

Ничего
особенного

НАТАЛИ
ДЕГЕН

Натали Деген

Ничего особенного

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Деген Н.

Ничего особенного / Н. Деген — «ЛитРес: Самиздат», 2016

„Ей мало нужно было для счастья: одно только слово "да", ещё одна полная тарелка дышащего тёртым чесноком борща и усталое тело любимого мужчины, хоть и не сливается с твоим, но находится следующие несколько часов рядом, греет своим теплом твой диван, забывая на твоих подушках свой желанный мужской запах. -Нет. Не хочу,- ответил он. Тонкая ниточка малого счастья, соединяющая тарелку борща, диван в гостиной, телевизор и Сашу, оборвалась в Таниной груди в самом начале. Он не хочет второй тарелки борща, а значит, не хочет её дивана, её телевизора и четырёх часов в её квартире. А хочет ли он вообще её?..“

© Деген Н., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Ничего особенного

Натали Деген

Александр Иванович Славников сидел на кухне, сосредоточенно уставившись в тарелку с борщом.

—Ещё будешь? — спросила с надеждой Таня.

Если он скажет "да", тогда после второй тарелки, вероятнее всего, захочет прилечь. Вытянется на диване в гостиной и будет щёлкать пультом, переключая каналы до тех пор, пока монотонный голос диктора новостей, гладкий и незапоминающийся, такой же, как её внешность, не убаюкает его. Проснётся же потом не раньше десяти.

А сейчас только шесть вечера, другими словами, ещё четыре часа он будет принадлежать только ей. Ей мало нужно было для счастья: одно только слово "да", ещё одна полная тарелка дышащего тёртым чесноком борща и усталое тело любимого мужчины, хоть и не сливается с твоим, но находится следующие несколько часов рядом, греет своим теплом твой диван, забывая на твоих подушках свой желанный мужской запах.

—Нет. Не хочу, — ответил он.

Тонкая ниточка малого счастья, соединяющая тарелку борща, диван в гостиной, телевизор и Сашу, оборвалась в Таниной груди в самом начале.

Он не хочет второй тарелки борща, а значит, не хочет её дивана, её телевизора и четырёх часов в её квартире. А хочет ли он вообще её?..

Почему? Хотела спросить Таня.

—Ты меня любишь?.. — зачем-то вырвалось у неё.

— Ну что ты опять, — прозвучало в ответ.

Он ничего не имел против Тани, её борща, её образцового порядка в доме и её любви. Ей было уже тридцать пять лет, из которых последние пять она безвозмездно отдавала ему себя всю. И ему ничего не хотелось бы в этом менять и ни отчего отказываться.

— Саш, а давай малыша заведём?.. — робко, будто одалживая у приятеля, спросила она.

Малыш не входил в Сашины планы, он не вписывался, по его мнению, ни в этот уютный вечер, ни в прошлые, ни во все будущие. Ему было сорок шесть лет, зачем ему малыш? Спрашивал он себя. Он просто хотел быть с Таней, приходить в эту убранную квартиру, сидеть на кухне на правах хозяина, есть приготовленный только для него одного суп, лежать на продавленном им же диване. И раздражённо хлопать за собой дверью, когда Таню минут на двадцать привязывала к телефону подруга, и она, закрывая ладонью трубку, жалобно закатывала глаза кверху и шёпотом молила его подождать, ещё хотя бы минутку.

—Тань, старый я уже, ну какой мне малыш?

Он не помнил, в который раз ему приходилось произносить эту фразу, но Таня всё спрашивала, видимо, каждый раз надеясь, что он ответит что-нибудь новое. Подсознательно он понимал, если бы инстинкт материнства вскипел в Тане до такой степени, что, как горящая лава, подкатился бы к горлу и не давал ей ни жить, ни дышать, ни произносить ни одного слова, не имеющего какого-либо отношения к детям, то она забеременела бы, не спрашивая его разрешения. А раз всё ещё спрашивала — значит, боялась его потерять. Значит, он был для неё даже в её тридцать пять важнее ребёнка.

Сознание собственной значительности и надобности, отражающееся в Таниных глазах, льстило ему. Это было словно собственное отражение в кривом зеркале, в которое он смотрелся ребёнком в появлявшимся раз в году Луна-парке, дружественной, тогда ещё социалистической Чехословакии. Во всей этой заграничной пестроте ни карусели, призывно манящие сотнями красно-зелёных лампочек, ни комнаты страха с резиновыми масками оскалившихся чудищ, ни тир с обещанным за меткий выстрел огромным плюшевым тигром с печальным пластмассовым взглядом не привлекали его так, как кривые зеркала. Сладкие капли тающего

мороженого падали то на новую майку, то на любимые шорты, мать тащила его за руку, а он всё никак не мог оторвать взгляд от себя, то от длинного и тощего, как Дон Кихот, то от маленького и толстого, как Санчо Панса. В кривом зеркале Таниных глаз было всё наоборот, в них он, стареющий и ленивый, видел себя тридцатипятилетним, подтянутым, значимым и желанным.

Когда-то, ещё при Советском Союзе, он получил своё архитектурское образование, по молодости мечтал перевернуть мир: выстроить что-нибудь только из стекла, лёгкое и воздушное, готовое вот-вот оторваться и взмыть ввысь, как забытый на земле инопланетный корабль. Но эксперименты тогда не приветствовались, и он кроил, как и все, под линейку свои пятиэтажки. Ни шага влево, ни шага вправо, не надо инициативы, если не хочешь наказания. Однокурсник Лёнька Мыльников освоился в новой жизни раньше других, выкорабкался из-под обломков перестройки. Торговал несколько лет какими-то майками на базаре, потом какими-то пластмассовыми мисками. Всем вокруг было стыдно за него, а ему нет. А когда он открыл свою строительную фирму, то именно те, кто за него краснел, первыми потянулись к неприступной двери его начальственного кабинета, образовывая витиеватую муравьиную очередь из желающих услужить. Саша Славников не хотел услуживать и не хотел просить. Вот ему-то Лёнька и позвонил и дал шанс работать по специальности, что было в те года редкостью. Ютились они тогда ещё в паре кабинетов, занимая часть одного из этажей высотки. За стеной бурлила другая жизнь, там на стареньком компьютере строчила что-то Таня для новомодной в те времена газетёнки. Они часто сталкивались в коридоре, Александр Иванович рассматривал её безотрывно и пристально, как карту чужеземного государства, а высокая и статная Таня, торопливо пробегая мимо, каждый раз чуть не ошпаривала его своим чаем, не обращая на него никакого внимания. И заговори он с ней тогда, так она бы удивилась тому, что здесь кроме неё есть ещё кто-то, настолько он ей казался неприметным. Познакомились они банально: застряли в лифте, как в низкопробном фильме с заезженным сюжетом. Но именно там, на этом клочке метр на метр, она и узнала его, и ей действительно показалось, что она видит его впервые. А Александр Иванович считал, что он знает о ней всё. То, что все оттенки коричневого – её любимые цвета, то, что чай она пьёт только сладким, потому что неосторожно расплёсканный ею в коридоре, он застывал на полу липкими каплями. То, что молодой и высокий парень приезжает за ней всегда чуть позже шести, но недавно она с ним поругалась, потому что кто-то из её подруг, всегда готовых помочь в подобных ситуациях, кричал ему вчера из окна: "Кончай сигналить! Её здесь нет и больше никогда не будет!" Они сидели в зависшем лифте в тот вечер уже уже около часа, а Александр Иванович не уставал рассказывать. Если бы он видел и слышал себя со стороны, то совершенно справедливо засомневался бы в занимательности своей беседы или привлекательности своей внешности. Но он не видел и не слышал себя, отключился от мира и увлекал собеседника в свой, затягивал, как паук жертву. Тараторил что-то о балках, масштабах и новом взгляде на многоэтажные строения и растворялся в Танином внимании. Получается, жизнь обошлась с ней несправедливо: сначала она его не замечала и поэтому не рассматривала. А когда у него появилась возможность заговорить, то раскрыв рот, он быстро и с лёгкостью очаровал её, она тут же нацепила те самые "розовые очки", так и не успев рассмотреть его незачарованным взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.